1. *Берестнев Г. И.* Самосознание личности в аспекте языка // Вопросы языкознания — 2001. — № 1.
2. *Васильева Е. В.* Отражение взаимоотношений индивида и группы в русской языковой картине мира // Вестник МГУ — 2001. — Сер. 9. — № 4.
3. *Виноградов В. В.* Из истории слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. — М., 1999.
4. *Новый* сборник русских пословиц и притчей, изданных в 1848 году И. Снегирёвым. — М., 1857.
5. *Прислів'я* та приказки. — К., 2000.
6. *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. — Л., 1963.
7. *Секреты* мудрости: Пословицы и поговорки. — Самара, 2000.
8. *Яковлева Е. С.* О понятии "культурная память" в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. — 1998. — № 1.

О. В. Яковлєва

МІЖОСОБИСТІСНІ СТОСУНКИ У МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ РОСІЯН І УКРАЇНЦІВ (НА МАТЕРІАЛІ ПРИСЛІВ'ЇВ ТА ПРИКАЗОК)

Стосунки між людьми починалися зі схеми "Я" (окрема людина) і "ТИ" (зовнішній світ). В XVII ст. з'явилося поняття "особистість" для позначення конкретної людини чоловічої статі. Після цього міжособистісні стосунки аналізувалися як стосунки між чоловіком і жінкою. Загальна схема стосунків між людьми розвивалася за принципом бінарності: добро — позитивна оцінка, зло — негативна, і навпаки: зло мало позитивну оцінку, добро — негативну.

Ключові слова: мовна картина світу, мова і культура, культурна память, російська й українська фразеологія, прислів'я.

O. V. Yakovleva

PERSONAL RELATIONS IN A LANGUAGE WORLD'S PICTURE OF RUSSIANS AND UKRAINIANS (BASED ON PROVERBS)

The most ancient personal relations looked like: "I" (a person) — "You" (surrounding world). In the XVII century a concept of "person" appeared to signify a male person. Then personal relations developed according to the scheme: virtue — positive valuation, evil — negative one and vice versa: evil — positive valuation, virtue — negative one.

Keywords: linguistic world picture, language and culture, cultural memory, Russian and Ukrainian phraseology, proverb.

УДК 81'23'271.14:161.25

Г. С. Яроцкая

Проблема интерпретации аномальных высказываний

В данной статье рассматривается проблема интерпретации аномальных высказываний. В ходе эксперимента обнаружено, что абсурдность прямого значения не является препятствием для интерпретации, которая осуществляется на основе постулатов речевого общения.

Ключевые слова: синтаксическая семантика, аномальное высказывание, гендерный параметр, интерпретация, понимание, речевые постулаты.

Способность отличать правильные предложения от неправильных (аномальных) принадлежит к числу тех способностей, которые должна объяснять лингвистическая теория. Поскольку аномальность предложения может быть результатом нарушения принципов и правил, регулирующих разные уровни и аспекты его структуры, то за объяснение разных видов аномальности отвечают различные компоненты, или модули общей теории языка. Семантическая теория объясняет те виды аномальности, источником которых является значение предложения.

Выявление семантических ошибок возможно лишь в том случае, если система, понимающая текст, умеет установить аномальность непосредственного осмысления и при этом располагает средствами исправить ошибку так, чтобы в результате получить осмысление (или переосмысле-

© Г. С. Яроцкая, 2002

ние), естественное в данной коммуникативной ситуации. Кроме ненамеренных аномалий, в речевой практике встречаются сознательные нарушения языковых правил, которые можно классифицировать, исходя из интенции говорящего.

В данной работе нас интересуют семантические аномалии — нарушения семантических сочетаемостных ограничений, тавтологичные и логически противоречивые высказывания — иными словами, высказывания, буквальное осмысление которых аномально в том или ином отношении, но которые могут получить семантически стандартную интерпретацию.

Целью нашего исследования является попытка определить правила переосмысления и степень гендерной обусловленности интерпретативной деятельности адресата намеренно созданных аномальных высказываний.

В связи с этим мы решили провести эксперимент, в задачи которого входило выявление степени конвенциональности способов интерпретации аномальных высказываний носителями русского языка и наличия /отсутствия в интерпретации гендерной специфики.

Проблема интерпретации аномальных предложений имеет давнюю историю, и интересовала она не только лингвистов, но и логиков, и философов. Под интерпретацией обычно понимают приписывание значения какой-либо анализируемой последовательности, а под операциями интерпретации — правила и процедуры установления этого значения [2:56]. В лингвистической литературе чаще всего понятия "понимание" и интерпретация" используются как синонимические [6:228]. Нам же хотелось разграничить эти термины, как разграничены в семантике понятия "значение" и "смысл" [5:13]. Поскольку интерпретация происходит в общем контексте познавательной и оценочной деятельности человека в отличие от понимания, происходящего в опоре на язык, интерпретация есть:

1) совмещение понятого в языковом отношении высказывания со знаниями о мире;

2) всегда выход за пределы высказывания;

3) умозаключение о содержании высказывания, пропущенное через предшествующий опыт человека.

Наша гипотеза заключалась в том, что основные способы интерпретации намеренных аномальных высказываний в русском языке конвенционализованы и гендерно не обусловлены.

Участникам эксперимента (51 женщина и 51 мужчина) предлагалось прокомментировать (в письменном виде) понимание пяти аномальных высказываний.

I. Женщина есть женщина.

II. Выход — это вход.

III. У Степана жена трёхкомнатная.

IV. У Марины муж холостяк.

V. Я увидел волосатое зеркало.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов эксперимента, поясним виды аномальности, представленные в вышеперечисленных высказываниях.

Первое предложение, как уже было сказано, является неинформативным, поскольку о предмете речи не сообщается никакой новой информации по сравнению с той, которая входит в языковое значение обозначающего этот предмет выражения. Исследователь Н. М. Кобозева называет такие предложения псевдотавтологиями, которые, в отличие от тавтологий (ср. *Муж Ирины — женат*), информативны в силу того, что их предикат, помимо сигнификативной части своего значения, не несущей новой информации по сравнению с субъектом, имеет также весьма содержательные коннотации, которые данный тип конструкции выдвигает на первый план. Какая именно из присущих предикату коннотаций имеется в виду говорящим, зависит от контекста [5:205].

Так, предложение *Женщина есть женщина* информанты интерпретировали как "женщинам свойственно":

1) быть непоследовательными, нелогичными — 73%;

2) быть женственными, милосердными — 22%;

3) следить за своей внешностью — 5%.

Интересно, что все информанты справились с интерпретацией тавтологичного высказывания, и никто из них не назвал его бессмысленным, абсурдным. Можно сказать, что необходимость переосмысления "псевдотавтологий" определяется универсальными постулатами речевого обще-

ния, а способы переосмысления задаются семантическими правилами конкретного языка. Тем самым соответствующие высказывания не являются подлинными языковыми аномалиями.

Высказывание *Выход — это вход* относится, по классификации Н. М. Кобозевой [5:204], к аналитически ложным, источником ложности которого является противоречие. Но и это предложение получило относительно стандартную интерпретацию, которую в обобщённом виде можно представить следующим образом:

1) Всё в мире относительно — 84% (Смерть — это начало новой жизни. Единство и борьба противоположностей. Точка отсчёта определяет всё. Чтобы откуда-то выйти, надо куда-то войти и т. п.).

2) Выйти из виртуальной реальности можно с помощью нажатия клавиши "ВЫХОД" — 16% (Это о компьютерах, об интернете. Нажимая клавишу "ВЫХОД", мы входим в реальный мир).

Философское осмысление данного предложения характерно для всех участников эксперимента, однако многочисленность и разнообразие семантических интерпретаций данного высказывания особенно характерны для информантов-мужчин.

Высказывание *У Степана трёхкомнатная жена* также относится к аномальным. Источником неправильности в данном случае является не логическое противоречие, а категориальная несовместимость, или категориальная ошибка, состоящая в том, что объекту, принадлежащему к одной категории (типу, сорту) сущностей, имеющихся в мире, приписывается свойство, присущее объектам другой категории (типа, сорта). Так, объекту, принадлежащему к категории человеческих существ, приписано свойство, присущее объектам, относящимся к категории помещений. Однако та же категориальная несовместимость, которая порождает бессмыслицу, обнаруживается в любой живой поэтической метафоре, в составе которой не только не затемняет содержание, но и служит средством повышения образности, выразительности речи. Результаты опроса показали, что все информанты справились с интерпретацией данного высказывания, дав следующее переосмысление предложения:

1) "Жена Степана имеет трёхкомнатную квартиру" — 96%;

2) Жена Степана — большая, толстая женщина — 4%.

Таким образом, явная, "бросающаяся в глаза" и "режущая ухо" семантическая ошибка в выражаемой предложением мысли, будь то логическое противоречие, тавтология или категориальная несовместимость (как в данном случае), оказывается преодолимой с помощью привлечения дополнительных посылок, которые её снимают.

В данном случае действует тот же общий принцип, который побуждает интерпретатора, обнаружившего, что высказывание собеседника при его буквальном понимании "грубо и зримо" нарушает правила логики речевого общения, исправлять положение путём добавления к буквальному смыслу высказывания такой информации, которая приведёт его в соответствие с этими правилами, — информации, которая называется импликатурой дискурса [4]. Это принцип рациональности, в соответствии с которым все люди в обычных условиях ожидают друг от друга рационального (разумного, логичного) поведения.

Муж Марины — холостяк.

Чтобы понять, что данное предложение аномально, достаточно знать значение слов муж и холостяк и понимать, что в данной синтаксической конструкции оба свойства, обозначаемые этими словами, относятся к одному и тому же референту. Мы знаем, что холостяк — это мужчина, не состоящий в браке, а чей-либо муж — это мужчина, состоящий в браке с этим кем-либо. Интерпретируя предложение, мы получаем контрадикцию, или логически противоречивое утверждение о том, что некоторое лицо в одном и том же мире в одно и то же время входит во множество лиц, состоящих в браке, и не входит в это множество. Тем не менее все опрашиваемые легко справились с осмыслением этой аномалии.

1) 74% считают, что "муж Ирины ведёт холостяцкий образ жизни";

2) 17% поняли, что "в паспорте не отмечена регистрация брака";

3) 9% интерпретировали так, что "муж Ирины не считает себя женатым человеком".

При переосмыслении аномальных высказываний важным является то, чтобы адресат речи понимал, что произнесение семантически противоречивого высказывания входило в намерения говорящего. Именно тогда он пытается понять, почему говорящий произносит бессмысленное предложение, исходя из того, что говорящий, поступая так, должен что-то иметь в виду. Инфор-

манты, давая вариант осмысления высказывания, пытались моделировать коммуникативную ситуацию и определить намерения потенциального говорящего. Как и в предыдущих случаях, аномальное высказывание большинством интерпретаторов получило стандартное переосмысление.

Я увидел волосатое зеркало.

Мы сталкиваемся в этом примере ещё с одной категориальной ошибкой. Нарушением правил соединения значений слов в предложении (правил проекции) оказываются связанные друг с другом два слова, значение одного из которых не удовлетворяет селекционному ограничению другого. Например, слово **зеркало** имеет отрицательное значение семантического признака одушевлённости, тогда как селекционное ограничение прилагательного **волосатый** требует от семантического субъекта положительного значения того же признака. Предложения, содержащие подобное несоответствие, по этой причине не смогут получить интерпретацию и будут отбракованы как не являющиеся (семантически) правильными. Вместе с тем, содержащие подобную категориальную ошибку предложения используются в образной речи, и соответствующая неправильность имеет статус стилистической фигуры и называется олицетворением. Однако если ослабить селекционное ограничение, то оказывается возможным осмыслить и данное высказывание как:

1) зеркальный пол в парикмахерской — 32%;

2) треснувшее зеркало с многочисленными маленькими трещинками, напоминающими волоски — 23%;

3) зеркало в меховой рамке — 15%.

В данном случае мы впервые столкнулись с отказом, то есть непониманием смысла высказывания: 30% информантов назвали это предложение бессмысленным.

Таким образом, рассмотрев различные виды аномальности предложения, мы установили, что практически все из них — противоречивые, тавтологичные, бессмысленные — могут быть осмыслены, поняты носителями языка, то есть получить достаточно стандартную интерпретацию. Возможность переосмысления семантических аномалий, сведение их к семантическому стандарту обусловлена существованием особых правил переосмысления, которые говорящий может эксплуатировать. Тем самым семантически аномальное высказывание перестаёт быть аномальным; точнее, оно аномально относительно "базовых" правил, но вполне закономерно относительно правил переосмысления.

Переосмысление семантических аномалий осуществляется на основе "постулатов речевого общения" [4:10]. Противоречивость или очевидная ложность прямого смысла высказывания (то есть нарушение постулата качества) или же его неинформативность, тавтологичность (то есть нарушение постулата количества) заставляют адресата речи искать в высказывании скрытый смысл. Так, например, высказывания типа *Женщина есть женщина*, прямой смысл которых тавтологичен, будучи абсолютно неинформативными, нарушают первый постулат количества. Это заставляет адресата речи полагать, что подлинное информативное содержание этих высказываний не составляется из элементов понятийного значения, а непосредственно зависит от ситуативно обусловленных ассоциаций.

Можно говорить о значительной степени конвенционализованности переосмысления некоторых аномальных с точки зрения лингвистической семантики высказываний — это прежде всего случаи так называемых псевдотавтологий и парадоксальных высказываний (типа *Выход — это вход*). Возможно, это попытка уловить интенции говорящего, предположить, что высказывание либо отражает противоречивое состояние сознания, либо выражает глубокую, но антиномичную истину.

Ответы тестируемых в целом не дают однозначной поляризации по показателю гендера. Можно лишь говорить о значительно большей вероятности той или иной интерпретации в зависимости от гендерной принадлежности. Мужчины, по данным нашего эксперимента, проявили склонность к философскому переосмыслению аномальных предложений; женщины, пытаясь понять абсурдные высказывания, стремились максимально конкретизировать смысл, проявляя при этом значительное сходство в интерпретациях.

1. *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие / Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.,1995. — Т. II.

2. *Бочкарёв А. Е.* Семантический словарь. — Нижний Новгород, 2002.

3. *Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д.* "Аномальные высказывания: проблемы интерпретации // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.

4. *Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — Вып. XVI.
5. *Кобозева Н. М.* Лингвистическая семантика. — М., 2000.
6. *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. — М., 2001.

Г. С. Яроцька

ПРОБЛЕМА ІНТЕРПРЕТАЦІЇ АНОМАЛЬНИХ ВИСЛОВЛЮВАНЬ

У статті розглянуто проблему інтерпретацій навмисних аномалій. Під час експерименту було виявлено, що очевидна абсурдність прямого значення вислову не є перешкодою для інтерпретації, що здійснюється на основі постулатів мовного спілкування.

Ключові слова: аномальне висловлювання, гендерний параметр, інтерпретація, розуміння, мовленнєві постулати.

G. S. Yarotskaya

THE PROBLEM OF INTERPRETATIONS OF SPEECH ANOMALIES

In the article the author examines the problems of interpretations of intentional speech anomalies. The experiment carried out shows that the absurdity of direct expression is not the obstacle for the informants for their understanding and interpretation on the basis of speech intercourse.

Keywords: syntactic semantics, speech anomalies, gender parameter, interpretation, understanding, basis of speech intercourse.

УДК 811.111'373.21/611(73)

O. N. Sklyarenko

About Principles of Name-giving in the Toponymy of the USA

The article is devoted to the analysis of some main principles of name-giving in American toponymy. Great variety of ways of naming geographical objects, particularly of inhabited places, has been noted.
Keywords: principles of name-giving, toponyms, oikonyms, onymisation, semantic types of toponyms.

Principles of name-giving have been dealt with by many scholars [2, 3, 4, 6, 8]. But American toponymic material was rarely involved in the research. An attempt has been made in this article to analyse principles of name-giving of place-names in the USA. The main source of toponymic material has been taken from [11]. All objects, actions and states have to be given names. There are two levels of name-giving: lower (appellative) level and higher (onomastic) one [3: *113]. Higher level of name-*giving means to give proper names to those objects which have their appellative designations. Every kind of geographical objects has its own ways of being named. Names of rivers and lakes differ from those of mountains and valleys, cf. names of rivers: **Mad, Lost, New, Old** (CA); **Bad, Belle, Rapid. Black, White, Green** (MI); **Red, Deep, Clearwater** (ID); **Yellow, Blackwater** (FL); names of lakes: **Clear, Honey, Moon, Goose** (CA);**Crystal, Long, Duck** (MI), **Mud** (ID); **Swan** (NE), **Reedy, Ocean** (FL); names of peaks: **Hat, Castle** (ID), **Emigrant, Lone, Piper, Virgin, Granite** (NV); names of mountains: **Bald, Blue Nose, Pot, Rocky, Saddle, Steel** (ID), **Iron** (FL); name of a valley **Death** (CA), name of a swamp **Dismal** (VA). The study of principles of name-giving shows that "names can reflect properties of objects as speakers are able to adequately value objects, single out their significant and insignificant signs" [7: 14]. Giving names to settlements has some specific characteristics. One of the oldest groups of oikonyms includes the place-names which E. Ekwall defines as **habitation-names proper** [10:14]. **Habitative names** from the beginning denoted inhabited places, homesteads, farms, enclosures, estates, hamlets, villages and towns. Names that are the result of onymisation of such terms

© O. N. Sklyarenko, 2002